

УДК [94:070.13](470+571)«1914/1918»
Оригинальная научная статья

DOI:10.22394/2225-8272-2025-14-4-1

«КРИЗИС И КОНТРОЛЬ»: СТОЛИЧНАЯ ПЕЧАТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦЕНЗУРНЫХ ОТЧЕТОВ

B. Ф. Блохин

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
Адрес: 241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

Поступила
в редакцию
29.07.2025

Поступила
после
рецензирования
21.11.2025

Принята
к публикации
28.12.2025

Аннотация. Цель исследования – проанализировать влияние Первой мировой войны на деятельность периодических изданий в Российской империи на основе отчетов, подготовленных по требованию Главного управления по делам печати Российской империи. Эти документы демонстрируют, что государственный контроль распространялся не только на содержание публикаций, но и на финансово-экономическое состояние изданий, их организацию, читательский спрос и даже внешний вид.

Методология. Методологическую основу работы составили историко-генетический (ретроспективный) и проблемно-хронологический методы, позволившие проследить эволюцию государственной политики в сфере печати и выявить ключевые проблемы деятельности столичной печати в военный период.

Новизна и результаты. Хронологическими источниками для написания статьи послужили документы цензурного ведомства, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, а также материалы периодической печати. Отчеты цензурных комитетов показали, что книжный рынок в Петрограде и Москве переживал очевидный застой, цены на бумагу для печати выросли более чем в три раза. Несмотря на рост производственных затрат, тиражи большей части ежедневных газет также заметно выросли. Внимание цензурного ведомства к этим проблемам со всей очевидностью подчеркивает значение прессы в сложный для российской власти период. От содержания газетного контента во многом зависел исход политического противостояния, наступившийся в 1916 году в России. Вместе с тем со всей очевидностью ставка на печать консервативно-правого направления себя не оправдала: издания этого типа не только теряли своих подписчиков, но и уменьшались в объеме представляемой информации, печатались с целью экономии на плохой бумаге.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, отчеты Петроградского и Московского комитетов, газетные материалы, общественное мнение, тиражи газет

Финансирование: Статья написана при поддержке гранта РНФ № 25-28-00933 «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны».

Для цит.: Блохин, В.Ф. «Кризис и контроль»: столичная печать Российской империи в годы Первой мировой войны через призму цензурных отчетов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 4. – С. 11–21. – EDN WQVKJR.

© Блохин В.Ф., 2025

Original article

EDN WQVKJR

«CRISIS AND CONTROL»: THE METROPOLITAN PRESS OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING WORLD WAR I THROUGH THE PRISM OF CENSORSHIP REPORTS

V.F. Blokhin

Bryansk State University named after I. G. Petrovsky

Address: 14 Bezhitskaya St., Bryansk, 241036, Russian Federation

Received
29.07.2025

Revised
21.11.2025

Accepted
28.12.2025

Abstract. The purpose of the study is to analyze the impact of the First World War on the activities of periodicals in the Russian Empire based on the reports prepared at the request of the Main Directorate for Press Affairs of the Russian Empire. These documents demonstrate that state control extended not only to the content of publications, but also to the financial and economic condition of publications, their organization, readership demand and even appearance.

Methodology. The methodological basis of the work was made up of historical-genetic (retrospective) and problem-chronological methods, which made it possible to trace the evolution of state policy in the field of printing and identify key problems of the metropolitan press during the war period.

Novelty and results. The chronological sources for writing the article were documents of the censorship department stored in the Russian State Historical Archive, as well as materials from the periodical press. The reports of the censorship committees showed that the book market in Petrograd and Moscow was experiencing obvious stagnation, and the price of paper for printing had more than tripled. Despite the increase in production costs, the circulation of most of the daily newspapers has also increased significantly. The censorship department's attention to these issues clearly emphasizes the importance of the press in a difficult period for the Russian government. The outcome of the political confrontation that emerged in Russia in 1916 largely depended on the content of newspaper content. At the same time, it is obvious that the conservative-right press did not justify itself: publications of this type not only lost their subscribers, but also decreased in the amount of information provided, and were printed in order to save money on poor paper.

Keywords: World War I, periodicals, reports of the Petrograd and Moscow Committees, newspaper materials, public opinion, newspaper circulation

Funding: the article was written with the support of the Russian Science Foundation grant №. 25-28-00933 «The press in the public sphere as an actor of integration and self-organization of Russian society in the conditions of the First World War».

For citations: Blokhin, V.F. (2025) «Crisis and Control»: the Metropolitan Press of the Russian Empire during World War I through the Prism of Censorship Reports. Journal of Public and Municipal Administration. Vol. 14, no. 4. p. 11–21. EDN WQVKJR.

© Blokhin V.F., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования столичной периодики Российской империи периода Первой мировой войны сквозь призму цензурных отчётов обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, лежащих на пересечении исторической науки, медиаологии и политических исследований. Феномен «кризиса и контроля», вынесенный в заголовок, отражает ключевое противоречие эпохи: в условиях тотального общественного и государственного кризиса, вызванного затяжной войной, имперская власть пытаясь сохранить управляемость посредством ужесточения информационного контроля. Изучение этого процесса через документальный массив цензурных ведомостей Петрограда и Москвы позволяет не просто реконструировать механизмы пропаганды и ограничений, но и увидеть, как в условиях чрезвычайного положения деформировалось само публичное пространство. Цензурные отчёты, служившие инструментом обратной связи между властью и публичной сферой, являются уникальным историческим источником. Они фиксируют не только «запретное», но и саму логику чиновника, оценивающего текст, его опасения, интерпретации и представления о допустимых границах гласности. В современном контексте, характеризующемся сложными взаимоотношениями между медиа, обществом и государством, особенно в период социальных потрясений, обращение к историческому опыту начала XX века представляется глубоко поучительным. Исследование демонстрирует, что попытки тотального административного контроля над информационными потоками в кризисной ситуации зачастую ведут не к стабилизации, а к накоплению латентного недоверия, рождению альтернативных каналов коммуникации и в конечном счёте к эрозии легитимности управленческих решений. Таким образом, изучение петроградских и московских газет через призму цензурных отчетов – это не просто страница истории журналистики, а важный кейс для понимания фундаментальных механизмов взаимодействия власти, прессы и общества в экстремальных условиях, сохраняющий свою научную и методологическую значимость.

В российской исторической науке на протяжении многих лет присутствует очевидный интерес к теме печати периода Первой мировой войны. При этом исследовательское внимание подкрепляется стабильным желанием переосмыслить вклад периодических изданий в развитие общественных представлений о войне и вытекавших из них настроений, которые являлись основой формирования общественного мнения на различных этапах военных действий. Пресса через свою интерпретацию событий, на основе собственных представлений давала читателю определенные сведения о внутреннем содержании, о смысловом значении того или иного события, о целях его участников, направляя его восприятие в определенное русло.

Причиной необходимости новых оценок роли периодической печати в коммуникационном пространстве Российской империи выступают как субъективные, так и объективные факторы. К первым следует отнести до сих пор сохраняющееся особое отношение дореволюционных российских и советских властных структур к степени воздействия периодической печати на общественные настроения периода мировой войны. Из этой особенности вытекало исследование печати исключительно или предпочтительно с точки зрения ее оценки как средства идеологической и политической борьбы, что было характерно для большинства советских критиков буржуазной прессы, опиравшихся на богатое публицистическое ленинское идейное наследие. Авторы таких работ сознательно оставляли за рамками широкий спектр проблем, в которых периодические издания добивались общественного внимания и признания.

Современный историк печати должен учитывать не только её правовое положение и отношения с властными структурами, но и политическую направленность тех или иных изданий, тесно связанную с информационными предпочтениями читателей. Причем во многих случаях партийные пристрастия прессы могли отступать на задний план при решении принципиальных вопросов, связанных с сохранением своего влияния на мнение о происходившем в стране, а война регулярно приносила изменения в общественные настроения и в возможности информационного воздействия на них.

Советский исследователь проблем влияния печати на общественное мнение Е. И. Пронин фиксировал, что если сравнить читательский интерес с фильтром, пропускающим в сознание информацию, то можно выделить: 1) слой мнений, оценок, вкусов, свойственных обществу в целом; 2) слой групповых оценок, мнений, вкусов; 3) слой личных, индивидуальных мнений и пристрастий (Пронин, 1971, С. 16). Вполне возможно, что не все согласятся с приоритетной расстановкой определений интереса потребителей печатной информации, но несомненно объективность выделенных факторов воздействия. При этом исследователь отмечал, что присутствует необходимость учёта многосторонних связей, мнений, оценок вкусов всех трёх типов, их взаимообусловленность и взаимопроникновение при осмыслении наиболее важных явлений общественной жизни (Пронин, 1971, С. 16).

Лишь к 1970-м годам в советскую гуманитарную науку пришло понимание того, что буржуазные издания являются «неотъемлемой частью истории нашей страны, истории литературы, искусства, науки и журналистики». Тогда же началось изучение содержания не только большевистской, но и внепартийной периодической печати (Бережной, 1975, С. 4). Однако мнение о том, что в условиях Первой мировой войны во многих случаях просто невозможно безоговорочно оценивать направление публикаций газет и журналов с позиции «кому это выгодно?», всё же по идеологическим соображениям долгое время не получало признания. Между тем сложно различать политические оттенки прессы, которая была поставлена перед необходимостью предоставлять информацию нуждающимся в ней всем слоям общества. Такая обязанность печати в тот период выступала в качестве ключевой и критиковалась и справа, и слева.

Заметным вкладом в изучение российской непартийной печати периода Первой мировой войны явились работы петербургского ученого Г. В. Жиркова (Жирков, 2012; Жирков, 2014). В своих трудах он уделил особое внимание изменению общественных настроений, выделяя участие прессы в формировании отношения населения к происходившему в стране, раскрывая общие условия военно-цензурного режима.

Специальное диссертационное исследование было посвящено роли печати в формировании общественного мнения в России. Его автор Т. И. Толчинская отмечала: «Именно Первая мировая война дала человечеству тот опыт использования печатных средств массовой информации, который в последующем стал во многом одним из основных механизмов реализации политических задач» (Толчинская, 2014).

Методологический каркас исследования выстроен на междисциплинарном синтезе, что диктуется спецификой самого объекта – взаимодействия печати и власти в экстремальных условиях. Ядром работы выступает историко-системный подход, позволяющий рассматривать столичную прессу и цензуру не как изолированные институты, а как элементы единой, напряженной и динамичной системы коммуникации в период «кризиса и контроля». В рамках этого подхода применяется институциональный анализ для реконструкции структуры и эволюции военно-цензурных органов, их компетенций и места в бюрократическом аппарате империи.

Ключевым источником являются сами цензурные отчёты. Их изучение основано на принципах критического источниковедения, предполагающего выявление не только явного содержания, но и скрытых контекстов, интенций составителей и языка описания. Мы подходим к этим документам как к «текстам власти», в которых цензор выступает не просто техническим фильтром, а интерпретатором и конструктором допустимой реальности. Поэтому на первый план выходит метод дискурс-анализа, направленный на выявление ключевых нарративов, риторических формул, табуированных тем и семантических сдвигов в логике самих контролеров. Для верификации и углубления картины используется контент-анализ выборки столичных периодических изданий различных политических направлений. Сравнение опубликованных материалов с пометками и резолюциями цензоров позволяет перейти от абстрактных деклараций о контроле к конкретным практикам – увидеть, какие статьи подвергались правке, какие сюжеты систематически вымарывались, а какие, напротив, получали негласное поощ-

рение. Этот компаративный прием выявляет стратегии адаптации редакций к давлению, зоны умолчания и рождавшийся эзопов язык.

Таким образом, методология исследования строится наialectическом совмещении «взгляда изнутри системы» (через отчеты цензоров) и «взгляда на ее результаты» (через анализ прессы). Такой двойной ракурс позволяет не просто описать механизм контроля, но и проанализировать его эффективность, лакуны и обратное влияние на публичную сферу, которая в условиях кризиса сама становилась полем битвы. Применение указанных методов в комплексе дает возможность раскрыть содержание феномена «кризиса и контроля» как драматического диалога между стремительно менявшейся общественной повесткой и архаизирующим административным реагированием.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объективные факторы, препятствовавшие оценке роли периодической печати, обусловлены тем, что она является особым типом массового источника, к которому применим метод контент-анализа, позволяющий подойти к текстовому массиву как к информационной системе. В современных условиях, когда появилась возможность использовать искусственный интеллект, задача, несомненно, облегчилась, но долгие годы она являлась практически неразрешимой. Тем интереснее посмотреть на то, как собиралась информация непосредственно в условиях Первой мировой войны в подчиненном министерству внутренних дел Главном комитете по делам печати, в обязанности которого входил регулярный контроль гражданских цензурных комитетов.

В Российском государственном историческом архиве сохранилось дело с отчетами цензурных комитетов и инспекторов по делам печати – Петроградского, Московского, Варшавского, Рижского, Виленского, Одесского, Киевского, Казанского комитетов и инспекторов из Ростова-на-Дону, Юрьева, Саратова, Томска, Ревеля, Харькова, Екатеринослава, Баку, Киева и Владивостока (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55).

В начале июля 1916 г. Главное управление по делам печати разосло им циркуляр, в котором предлагалось направить в Петроград сведения, относившиеся к проблеме «влияния войны на печать и книжную торговлю»: «...1). количество выходящих в свет изданий повременных и неповременных 2) о внешнем виде: а) временных изданий (качество бумаги формат и прочее) и б) неповременных (объем, качество бумаги, обложки, иллюстрации и т. п.). 3). Направление повременных изданий. 4). Характер выходящих в свет неповременных изданий. Увеличилось ли или уменьшилось количество беллетристических, научных и тому подобных произведений печати. 5). Расценки выпускаемых в свет произведений повременной и неповременной печати. Состояние книжного и бумажного рынка» (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55. Л. 2).

Предложенные вопросы демонстрируют интерес главного цензурного ведомства не только к направлению содержания публикаций периодической и непереодической (повременной и неповременной) печати, но и к ее внешнему виду, формату, цене и количественным характеристикам. Ряд перечисленных параметров помогает сегодня оценить особенности развития прессы в условиях войны. Например, тиражные показатели периодических изданий, по которым можно судить об интересе населения к получению информации и характеру таких сведений.

Московский комитет по делам печати сообщал, что на момент представления отчета в городе выходило 237 повременных изданий, что свидетельствовало об их уменьшении по сравнению с довоенным периодом на 150 наименований. «Это сокращение было бы еще заметнее, если бы в Москве не появилось до 20 беженских изданий на русском, польском и латышском языках» (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55. Л. 6).

Комитет также отмечал, что на начальном этапе войны в городе выходило много популярных брошюр, посвященных успешным действиям Российской армии на территории Австрии и Пруссии. Однако с лета 1915 года, то есть со временем, когда успехи на фронте сменились неудачами, появление таких изданий прекратилось. Также произошло снижение количества научных и художественных произведений, на смену которым пришла главным образом деловая литература – отчеты о деятельности различных

предприятий и общественных учреждений, связанных непосредственно с работой на оборону.

Продолжалось издание школьных учебников, а также описание изобретений, имевших отношение к войне. «Новость для Москвы – польские учебники, появляющиеся здесь вследствие эвакуации в Москву некоторых польских учебных заведений» (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55. Л. 6 об.).

Московский комитет в своем отчете также отмечал, что книжный рынок в Москве переживал очевидный застой, но тиражи большинства ежедневных газет при этом заметно повысились, несмотря на рост цен на ротационную бумагу, которые увеличились в три раза, что, естественно, не могло не сказаться на стоимости самих изданий. Если крупные издатели сумели запастись бумагой, то мелкие оказались в бедственном положении. Помимо бумаги проблемы были связаны с повышением оплаты труда за осуществление набора и печати, что привело к закрытию значительного числа типографий.

Рост тиражей газет является очень важным показателем для определения роли периодических изданий в целом и отражения господствовавших общественных настроений. В отчете Петроградского комитета по делам печати содержится сравнительный количественный анализ издаваемых газет в начале войны и в 1916 году. За время войны заметно подрос с 60 000 до 120 000 тираж «Сельского вестника», который являлся приложением к официальному «Правительственному вестнику» и печатался за счет государственных средств. Министерство внутренних дел пыталось этим изданием привлечь сельское население и удовлетворить очевидный рост интереса к чтению этой части жителей страны.

Заметно вырос тираж издаваемого военным ведомством «Русского инвалида» с 8000 в 1914 году до 16 850 в 1916-м. Газета являлась официальным источником информации о происходившем на фронте. Немного увеличился тираж официального петроградского издания «Ведомости градоначальства» (с 12 000 до 13 000).

Зато «Петроградский листок», выступавший в качестве массовой городской газеты, объявлявший себя выразителем интересов жителей столицы, потерял часть своих читателей за время войны. Его тираж в 1914 году составлял 119 000, а в 1916-м – 85 000. Связано это с тем, что читающая публика переносила свои симпатии на те издания, которые наиболее отвечали её жизненным и практическим интересам. К тому же в Петрограде постоянно снижался абсолютно и относительно процент коренных его жителей за счет увеличения пришлого населения, о чем упоминалось в отчете цензурного комитета (Сергеев, 1996, с. 14). В конце 1916 года даже было предпринято насильственное расселение Петрограда. Вероятно, по этим же причинам заметно снизился с 220 000 до 150 000 тираж «Газеты-копейки», представлявшей так называемую желтую прессу.

За годы войны заметно выросли тиражи изданий, демонстрировавших на своих страницах обширную наущенную информацию. На первом месте в их публикациях находился принцип близости к читателю, которая предусматривала учет его бытовых и политических предпочтений. В условиях войны на этой почве сближались жизненные приоритеты разных слоев общества, поскольку в равной степени большинство интересовало происходившее на полях сражений. Особое место стали занимать вопросы, связанные с экономическим положением страны, сказывавшимся на жизненном уровне населения. Характерной особенностью большинства российского населения того времени являлось также то, что любое мнение, выраженное печатно, пользовалось в его глазах авторитетом даже не в силу убедительности представленных аргументов, а главным образом из-за факта появления в печати. Для жителей страны напечатанное представлялось более достоверным, чем сказанное.

В отчете Петроградского комитета по делам печати отмечалось, что периодические издания, в отличие от книжной продукции, в годы войны не потеряли интереса к себе со стороны читающей публики, а, наоборот, стали завоевывать все новые круги читателей, живущих под глубоким воздействием происходящих событий. Население искало на страницах газет последние новости, живо воспринимало публикуемые слухи, касавшие-

ся не только театра военных действий, но и правительственнои и общественной деятельности. Благодаря этому петроградская пресса почти по всей линии увеличила свой тиражи. Так, например, «Новое время» в 1914 году насчитывало 66 000, а в 1916 году – 75 500, «Речь» выросла с 35 000 до 45 000, «Современное слово» – с 50 000 до 75 000, «День» – с 24 000 до 40 000, «Вечернее время» – с 48 000 до 130 000, «Биржевые ведомости»: утренний выпуск – с 8300 до 50 400, вечерний – с 50 000 до 85 000 (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55. Л. 43). Примечательно, что большой прирост читателей имели газеты, отличавшиеся резкостью критики властных структур и ситуации в стране, испытывавшие на этой почве большее давление со стороны военной цензуры.

Оценивая политическую направленность петроградской прессы в военное время, цензурный комитет отмечал, что в деятельности периодической печати наметилась тенденция, которая отсутствовала в мирное время – она в начале войны, включая крайне оппозиционную (как «День») и крайне правую, «слилась в единодушном порыве поддержки правительства и патриотической готовности отдать вместе со всем населением России все свои силы в распоряжение власти для отражения врага» (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55. Л. 43 об.). Однако с продолжением войны этот контакт между прессой и властью оказался нарушенным, и «в последующее время органы столичной печати прочно установили свое отношение к правительству и политико-общественным вопросам под углом той же точки зрения и в пределах той же программной группировки, как это было и в мирное время» (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55. Л. 43 об.).

Очевидно, что автор отчета пытался уйти от непредвзятой оценки сложившейся ситуации, поскольку периодические издания за годы войны со всей очевидностью вышли за пределы допущенных в мирное время рамок и настроения печати были неразличимы с общим нараставшим недовольством в стране. Собственно, сам руководитель цензурного комитета в Петрограде явно противоречил себе, заявляя до этого, что контакт между печатью и властью по мере продолжения войны был нарушен.

Подтверждением конфликта между официальными властными взглядами и политическими установками прессы может служить также факт снижения в 1916 году тиражей консервативной правой печати, позиция которой сводилась к попыткам воспитания у читателей определенных убеждений, основанных на беспрекословной поддержке неограниченного самодержавия, превращения Государственной думы в совещательный орган. Монархический способ управления страной представлялся в качестве фундамента, на котором строились общественные представления о власти. Монарх позиционировался как воплощение религиозно-нравственных идеалов народа, и консервативная печать использовала эту идеологическую установку в виде инструмента воздействия на население страны.

Однако к 1916 году правая печать оказалась в неожиданном для себя положении: материальные затраты при издании «Землины», «Колокола» и «Русского знамени» были весьма высоки, но читательская поддержка постоянно снижалась. Об этом свидетельствовали данные, приведенные в отчете Петроградского комитета по делам печати.

Ежедневная монархическая газета «Землица», издаваемая с осени 1915 года членом Государственной думы, известным деятелем правого движения Н. Е. Марковым 2-м, получала ежегодную государственную субсидию в 120 тыс. руб. (Правая печать и субсидии // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15151. 16 октября). Примечательной чертой содержания газеты являлась резкая критика «обкрадывавшей народ буржуазии» (Стогов, 2011, С. 105). Однако, несмотря на то что проблема спекуляции в 1916 году занимала в публикациях периодической печати одно из важнейших и интересующих жителей мест, тираж «Землины» опустился с 10 000 в 1914 году до 7000 в 1916 году.

Российское право-монархическое направление в отчете было также представлено петербургской газетой Союза русского народа «Русское знамя», тираж которой с 5000 опустился до 3300. Менее значимым правым изданием являлась столичная газета «Колокол», именовавшая себя «единственной крестьянской газетой в России, которая про-

тив врагов церкви и государства» (Бережной, 1975, С. 28). Ее читательские потери к 1916 г. составили более половины – 7000 вместо 15 000 (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55. Л. 27).

По сведениям Петроградского комитета печати, «газеты при создавшейся конъюнктуре в отношении бумаги должны были перейти на худшие сорта с большой примесью древесины и даже на цветную бумагу, как «Петроградские ведомости», «Русское знамя» и «Земщина», ухудшив качество бумаги и уменьшив свой тираж, стали печататься на полулистах» (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55. Л. 43).

Причина снижения тиражей право-монархических газет заключалась в том, что война являлась событием, выходившим за рамки привычных ситуаций, и решение постоянно нараставших проблем требовало новых подходов, зачастую не отвечавших привычной практике традиционных начал, присущих основному смысловому содержанию этих изданий.

Определенным исключением с точки зрения количества выпускаемых в свет экземпляров газеты был издававшийся в Петрограде «Голос Руси». Тираж газеты вырос с 10 000 до 15 000. В свое время издание получило от правительства на оборудование типографии и на предварительные организационные расходы единовременную субсидию в 200 тыс. руб., т. е. оно обладало своей издательской базой. Газете было также гарантировано размещение в ней всех платных объявлений от министерства путей сообщения. При министре внутренних дел Н. А. Маклакове отдавалось распоряжение о том, чтобы все типографские заказы министерства внутренних дел монопольно предоставлялись типографии «Голоса Руси» (Правая печать и субсидии // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15151. 16 октября). Таким образом, тиражность этого издания не зависела от читательского спроса.

Отмеченные факты позволяют сформулировать ряд содержательных выводов. Центральный тезис заключается в том, что феномен «кризиса и контроля» раскрывается как противоречивый процесс, в котором административное усиление цензуры не только не смогло стабилизировать информационное поле, но и парадоксальным образом способствовало его дальнейшей дестабилизации. Цензура, призванная быть инструментом консолидации и мобилизации, постепенно эволюционировала в механизм глухой обороны власти от нарастающей волны общественного недовольства, которое она же и фиксировала в своих сводках с пугающей точностью. Сквозь призму сухих канцелярских формулировок отчетов проступает драма нарастающего разрыва между официальным дискурсом, насаждаемым сверху, и стихийно формирующейся общественной повесткой. Цензоры, будучи чуткими сейсмографами настроений, с каждым годом войны отмечали всё больше «паникерских», «пораженных» или «критиканских» настроений в печати, которые являлись прямым отражением реальных проблем: снабжения, потерь, управленческой неэффективности. Однако бюрократический аппарат, за редким исключением, реагировал на это не поиском решений, а ужесточением запретов, стремясь устраниć не причину, а симптом. Такая практика привела к тому, что легальная пресса, особенно либерального толка, оказалась в семантической ловушке, будучи вынуждена говорить о кризисе на языке, одобренном властью, что подрывало доверие к ней у читателя и рождало мощный запрос на альтернативные, неконтролируемые источники информации: слухи, письма с фронта, подпольные листовки. Таким образом, контроль, достигший своего апогея в военные годы, обнажил системную слабость имперского режима. Он продемонстрировал неспособность старой власти к гибкому диалогу с обществом и к трансформации в условиях тотального кризиса. Цензурные отчеты, зафиксировавшие этот трагический диалог глухих, становятся ключом к пониманию того, как информационная изоляция власти от собственного народа, маскируемая благими лозунгами о единении и патриотизме, стала одной из существенных предпосылок стремительной делегитимации государственного порядка в 1917 году. Исторический урок этого периода заключается в демонстрации тупиковости стратегии, полагающейся исключительно на силовое сдерживание информационных потоков в эпоху глубоких общественных потрясений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение необходимо подчеркнуть, что изучение столичной прессы через цензурные отчёты открывает перед нами не просто частный эпизод истории журналистики, а уникальную лабораторию кризиса имперской государственности. Проведённый анализ позволяет утверждать, что в годы Первой мировой войны контроль над публичной сферой перестал быть технической функцией и превратился в центральную нервную точку, где сталкивались агонизирующая власть и нарастающее общественное брожение. Цензурные практики, формально ужесточавшиеся для консолидации общества, на деле всё больше напоминали попытку заткнуть пальцем разрывающуюся плотину, причём сами чиновники в своих донесениях с тревогой фиксировали рост давления и появление новых трещин. Содержательный элемент исследования заключается в демонстрации диалектики этого процесса. Цензура, будучи инструментом сокрытия и мифологизации, сама по себе породила бесценный корпус документов, обнажающих истинные боли и страхи времени. В её зеркале с пугающей отчётливостью отразилась не только эволюция общественных настроений от патриотического подъёма к глухому раздражению и отчаянию, но и прогрессирующая утрата властью символического и коммуникативного ресурса. Она боролась не с внешним врагом, а с внутренней правдой, которая, будучи вытесненной с газетных полос, лишь с большей силой уходила в приватные разговоры, солдатские письма и подпольные листовки, формируя параллельную, оппозиционную реальность.

Известный автор московской газеты «Утро России» Т. Ардов (псевдоним Владимира Тардова) в своей публикации «Мобилизация печати» подводил своеобразный итог деятельности прессы в условиях войны. «В такой момент, как сейчас, печать организует, она является самым мощным координирующим началом для патриотической работы во всей стране» (Ардов, 1915). Анализ отчетов Главного управления по делам печати показывает рост тиражей большинства ежедневных столичных газет и подтверждает особое внимание властей к прессе как к ключевому инструменту влияния в условиях нарастающего внутриполитического кризиса 1916 года.

Периодические издания времен Первой мировой войны не только содействовали проведению в жизнь намеченных государством мероприятий, связанных с деятельностью тыла, с решением насущных социальных проблем, но и проявляли творческую инициативу, деятельно участвуя в разрешении возникавших проблем.

В то же время пресса через свою читательскую аудиторию устанавливала связи с российским обществом, придавая публикуемым на своих страницах фактам нужное ей освещение. Со второй половины 1915 года настрой газетных заметок, особое внимание, уделяемое властным структурам, свидетельствовали о росте её оппозиционных настроений, вызывая ответную реакцию цензурного ведомства, подготовленного контролировать не только содержание публикаций, но и всю организационную систему, в которой функционировала периодическая печать.

Список литературы:

1. Ардов, Т. Мобилизация печати / Т. Ардов // Утро России. – 1915. – № 173. – 25 июня.
2. Алферова, И. В. Печать, военная тайна и престиж власти: Один день из жизни российской военной цензуры времен Первой мировой войны / И. В. Алферова, В. Ф. Блохин // Новый исторический вестник. – 2024. – № 1 (79). – С. 6–30. – DOI10.54770/20729286_2024_1_6. – EDN JZFXQD.
3. Блохин, В. Ф. Газетные слухи в контексте военно-цензурных и общественных практик периода Первой мировой войны / В. Ф. Блохин, В. В. Шевцов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2025. – № 93. – С. 31–37. – DOI10.17223/19988613/93/4. – EDN MKDPBV.
4. Бережной, А. Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны / А.Ф. Бережной. – Л., 1975. – 152 с.

5. Дело IV Отделения канцелярии Главного управления по делам печати со сведениями о влиянии войны на печать // РГИА. – Ф. 776. – Оп. 22. – Д. 55.
6. Жирков, Г. В. От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914–1917 гг.: учебное пособие / Г.В. Жирков. – СПб., 2012. – 97 с.
7. Жирков, Г. В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг.: монография / Г.В. Жирков. – Ижевск, 2014. – 382 с.
8. Кабирова, А. Ш. Районная пресса и цензура в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) / А. Ш. Кабирова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2024. – № 88. – С. 42–48. – DOI10.17223/19988613/88/5. – EDN SCFZXJ.
9. Правая печать и субсидии // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 15151. – 16 октября.
10. Пронин, Е. И. Печать и общественное мнение / Е.И. Пронин. – М.: Издательство МГУ, 1971. – 132 с.
11. Сергеев, М. В. Формирование массового читателя второй половины XIX века (на примере петербургских городских газет) / М.В. Сергеев. – СПб., 1996. – 20 с.
12. Синегубов, С. Н. Центральные газеты Российской империи как выразители общественного мнения о германо-английских отношениях в 1912 г. / С. Н. Синегубов, С. П. Шилов // Былые годы. – 2025. – № 20 (2). – С. 1015–1026. – DOI 10.13187/bg.2025.2.1015. – EDN SEE PAC.
13. Соболев, А. Л. Русский модернизм и цензура: заметки к теме / А. Л. Соболев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – № 2-1. – С. 101–112. – DOI 10.20339/PhS.2.1-24.101. – EDN AVQEJ.
14. Сопова, А. П. Из документов Главного управления по делам печати МВД России о газете «Право». 1898–1901 гг. / А. П. Сопова // Исторический архив. – 2024. – № 5. – С. 122–135. – EDN YTTLMO.
15. Стогов, Д. И. Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны / Д.И. Стогов // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 1. – С. 101–112.
16. Толчинская, Т. И. Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900–1930-х годах: традиции и особенности исторической эволюции (на примере центральных и региональных газет) / Т.И. Толчинская. – Пятигорск: РИА-КМБ, 2014. – 152 с.
17. Klochkov, V. V. Crimean War, John Arthur Roebuck and public opinion in the Great Britain in the middle of the 19th century / V. V. Klochkov, V. S. Nazarova, I. M. Uznarov // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya. – 2024. – Vol. 29, №3. – P. 51-60. – DOI 10.15688/jvolsu4.2024.3.5. – EDN AHMZCC.

Сведения об авторе:

БЛОХИН Валерий Федорович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, адрес: 241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, e-mail: blohin.val@yandex.ru

 SPIN-код: 5716-9476, AuthorID: 275759

 ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0254-6093>

Reference:

1. Ardov, T. Mobilization of the Press. Utro Rossii. 1915. no.173. June 25. (In Russ.).
2. Alferova, I. V. The Press, Military Secrecy and the Prestige of Power: One Day in the Life of Russian Military Censorship during World War I. Novyi istoricheskii vestnik. 2024. no.1 (79). P. 6-30. DOI 10.54770/20729286_2024_1_6. (In Russ.). EDN JZFXQD.
3. Blokhin, V. F. Newspaper Rumors in the Context of Military Censorship and Social Practices during World War I. Bulletin of Tomsk State University. History. 2025. no.93. P. 31-37. DOI 10.17223/19988613/93/4. (In Russ.). EDN MKDPBV.

4. Berezhnoy, A.F. Russian legal press during the First World War / A.F. Berezhnoy. L., 1975. 152 p. (In Russ.).
5. File of the IV Department of the Chancellery of the Main Directorate for Press Affairs with information on the impact of the war on the press. RGIA. F. 776. Op. 22. D. 55. (In Russ.).
6. Zhirkov, G.V. From the «people's» war to the people's tragedy: the history of Russian journalism 1914-1917: a textbook. St. Petersburg, 2012. – 97 p. (In Russ.).
7. Zhirkov, G.V. Journalism of Russia: from the Golden Age to Tragedy. 1900–1918: monograph. Izhevsk, 2014. 382 p. (In Russ.).
8. Kabirova, A. Sh. District Press and Censorship during the Great Patriotic War (based on materials from the Tatar ASSR). Bulletin of Tomsk State University. History. 2024. No.88. Pp. 42-48. DOI 10.17223/19988613/88/5. (In Russ.). EDN SCFZXJ.
9. The Right-Wing Press and Subsidies. Stock Exchange Vedomosti. Morning Issue. 1915. No.15151. October 16. (In Russ.).
10. Pronin, E.I. The Press and Public Opinion. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1971. 132 p. (In Russ.).
11. Sergeev, M.V. The Formation of the Mass Reader in the Second Half of the 19th Century (Based on the Example of St. Petersburg City Newspapers). St. Petersburg, 1996. – 20p. (In Russ.).
12. Sinegubov, S.N. Central Newspapers of the Russian Empire as Expressors of Public Opinion on German-English Relations in 1912. Bylye Gody. 2025. no. 20(2). P. 1015-1026. DOI 10.13187/bg.2025.2.1015. (In Russ.). EDN SEEPAC.
13. Sobolev, A. L. Russian modernism and censorship: notes on the topic. Philological sciences. Scientific reports of higher education. 2024. No.2-1. P. 101-112. DOI 10.20339/PhS.2.1-24.101. (In Russ.). EDN AVQEJF.
14. Sopova, A. P. From the documents of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the newspaper «Pravo». 1898-1901. Historical archive. – 2024. no.5. P. 122-135. (In Russ.). EDN YTTLMO.
15. Stogov, D.I. Russian right-wing periodical press during the First World War. Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2011. no.1. P. 101-112. (In Russ.).
16. Tolchinskaya, T.I. The press in the struggle for public opinion in Russia in the 1900s – 1930s: traditions and features of historical evolution (based on the example of central and regional newspapers). Pyatigorsk: RIA-KMV, 2014. 152 p. (In Russ.).
17. Klochkov, V. V. Crimean War, John Arthur Roebuck and public opinion in the Great Britain in the middle of the 19th century/ Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations. 2024. Vol. 29. no.3. P. 51-60. DOI 10.15688/jvolsu4.2024.3.5. (In Engl.). EDN AHMZCC.

Author:

BLOKHIN Valery Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, address: 14, Bezhitskaya St., Bryansk, 241036, Russian Federation, e-mail: blohin.val@yandex.ru

 SPIN-код: 5716-9476, AuthorID: 275759

 ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0254-6093>

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

© Блохин В.Ф., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>